

Христианские церкви как участники европейской интеграции

Сергей МУДРОВ

В 1992 году государства – члены Европейского сообщества подписали в Маастрихте новое межгосударственное соглашение, провозгласившее создание Европейского союза. Маастрихтский договор существенно усилил политическую составляющую европейской интеграции. В интеграционные процессы стали вовлекаться негосударственные объединения и представители гражданского общества. Кардинальные перемены, инициированные в 1992 году, не могли не отразиться на участии религиозных институтов в создании единой Европы.

Закономерным образом европейская интеграция превратилась в объект пристального внимания со стороны христианских церквей. В 1990-е годы при Европейском союзе начали открываться представительства церквей, призванные не только отслеживать развитие событий в ЕС, но и влиять, в определенной степени, на решения, принимаемые в Брюсселе. Известно, что многие социальные, политические и международные вопросы не являются чуждыми для христианского сообщества Европы. Отсюда вполне закономерен интерес церквей к европейским интеграционным процессам.

Кроме того, усиление внимания церквей к интеграции было вызвано все более активным вторжением Европейского союза в религиозную сферу. В частности, оно проявилось в попытках навязать односторонний взгляд на историю Европы в тексте Конституции ЕС, с игнорированием эпохи, в которой христианство играло ведущую роль. Вторжение политического характера было также замечено в резолюциях Европарламента, например, в требовании обеспечить свободный доступ на Святую Гору Афон (православную монашескую автономию на северо-востоке Греции, закрытую для женщин). Наконец, сугубо религиозная составляющая приобрела особую значимость при обсуждении членства в Евросоюзе Турции – страны с преимущественно мусульманским населением.

Проникновение ЕС в религиозную сферу закономерно влечет за собой взаимодействие, а порой – столкновение интересов церквей и других участников интеграционных процессов. Взаимодействие христианских церквей и европейских учреждений оказывает, в свою очередь, корректирующее влияние на ход европейской интеграции, а также воздействует на отношение церквей к Европейскому союзу. Таким образом, церкви превращаются в полноправных участников интеграционных процессов. Более того, адекватный анализ европейской интеграции становится невозможным без учета религиозных факторов. При этом во внимание следует принимать не только современность, но и прошлое интеграционных процессов в послевоенной Европе.

ХРИСТИАНСКИЕ ИСТОКИ ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ

По мнению ряда исследователей [1], на начальных этапах интеграции определенную (а согласно некоторым источникам – определяющую) роль играла Римско-католическая церковь. Социолог Хосе Казанова подчеркивает, что «первоначальный проект Европейского союза был христианско-демократическим, санкционированным Ватиканом. Его реализация начиналась на фоне общего религиозного подъема в Европе после Второй мировой войны и в геополитическом контексте холодной войны. Словосочетания «свободный

мир» и «христианская цивилизация» стали синонимами» [2, p. 66]. В том же духе высказывается доктор богословия Брайан Хехир: «Ватикан (и Католическая церковь в целом) были тесно связаны с христианско-демократическими партиями в Западной Европе. Евросоюз основан на Европейском сообществе, а Европейское сообщество находилось под большим влиянием христианской демократии. В свою очередь, христианская демократия послевоенной Европы представляла собой политическое движение, связанное с католической социальной мыслью и находящееся в тесном сотрудничестве со Святым престолом» [3, p. 103].

Профессор Тимоти Бернс подчеркивает, что ЕС был в значительной степени сформирован католическим социальным учением [4, p. 292]. Широко известен факт, что государственные деятели, стоявшие у истоков европейской интеграции, были глубоко верующими людьми. Речь, прежде всего, идет о министре иностранных дел Франции Роберте Шумане, канцлере ФРГ Конраде Аденауэре и министре иностранных дел Италии Альсиде де Гаспери.

Роберт Шуман полагал, что европейская унификация не сможет состояться без «вдохновения, исходящего из ее христианских истоков», а Европа является «воплощением универсальной демократии, в христианском смысле этого слова» [5, p. 50]. Рокко Буттиглионе, бывший министр Италии по делам Европы, утверждает, что «вера в Иисуса Христа была в центре жизни Альсиде де Гаспери» [6, p. 121]. Доктор истории Стефано Тринчесе подчеркивает, что свойство де Гаспери постоянно ссылаться на «священные тексты как элемент спасения» являлось «главной чертой его действий, особенно в моменты страданий и неопределенности» [6, p. 122]. Довольно интересно де Гаспери высказывался о роли христианства в европейской цивилизации: «Когда я утверждаю, что христианство стоит у истоков происхождения европейской цивилизации, я не имею намерения подобрать некий исключительный конфессиональный критерий для оценки нашей истории. Я лишь указываю на общее европейское наследие, на ту единую мораль, которая делает акцент на человеке и его ответственности» [6, p. 124]

Доктор истории Линда Риссо признает, что христианско-демократические партии

На площади Святого Марка в Венеции

являлись «инициаторами процесса европейской интеграции», и отмечает, что Ватикан поддерживал европейский проект [7, p. 99]. При этом Риссо подчеркивает, что европейские христианско-демократические партии послевоенных лет «основывали свои политические программы на мнении, что западная цивилизация взаимосвязана с христианскими ценностями, нуждается в защите от искушения современного образа жизни и в защите от коммунизма – как еще большей опасности» [7, p. 100].

Папа Пий XII, занимавший Римский престол с 1939 по 1958 год, уже в 1948 году «развивал тему возможного Европейского союза» [8, p. 182]. Как подчеркивает О'Махони, преподаватель теологии одного из колледжей Лондонского университета, «Пий XII и его католические современники – де Гаспери, Аденауэр, Роберт Шуман фактически пытались построить «христианско-демократическую» Европу как бастион защиты от коммунизма. Для них это была также серьезная попытка организовать справедливый порядок в Европе... Это была новая Европа, создаваемая из свободной Западной Европы, основанная на демократии, ищущая институциональные формы для союза и сотрудничества, базирующегося на христианских принципах» [8, p. 183].

Пий XII, поддерживая создание Европейского сообщества, видел в этом «историческую миссию христианской Европы» [8, p. 184]. И хотя некоторые исследователи

ОБ АВТОРЕ

МУДРОВ Сергей Александрович.

Родился в 1977 году в городе Бахчисарае (Украина).

Окончил факультет международных отношений Белорусского государственного университета (2000), Минскую духовную семинарию (заочное отделение; 2007), а также магистратуру Уорикского (Великобритания; 2004) и Маастрихтского (Нидерланды; 2007) университетов.

В 1997–2000 годах – помощник депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. В 2001–2005 годах работал в СМИ в г. Барановичи (Брестская область), одновременно в 2001–2003 годах – преподаватель Барановичского филиала БНТУ. В 2005–2006 и в 2007–2008 годах – преподаватель Барановичского государственного университета. В настоящее время работает над кандидатской диссертацией о роли церкви в европейской интеграции.

Автор более 20 статей по вопросам религии, европейской интеграции, церковно-государственных отношений, опубликованных в изданиях Беларуси, России, Польши, Финляндии и Великобритании.

Сфера научных интересов: христианство и Евросоюз, православие в Европе, церковно-государственные отношения.

[9] пишут об экономических истоках европейской интеграции, есть все основания полагать, что политическая составляющая, обусловленная, в том числе, христианскими ценностями, сыграла ключевую роль. Как подчеркивает доктор Питер Павлович из комиссии «Церковь и общество» Конференции Европейских Церквей (КЦО КЕЦ), цель интеграции заключалась, прежде всего, в том, чтобы не допустить новой войны на европейском континенте, добиться сотрудничества и уважения между давними противниками – Францией и Германией [10]. Экономическое сотрудничество являлось лишь инструментом, средством для достижения цели. Данный факт, очевидный в начале 1950-х годов, редко вспоминается в настоящее время. Хотя именно он позволяет увидеть присутствие религиозных аспектов при рождении единой Европы в эпоху после Второй мировой войны.

РЕФОРМЫ ЕС И ХРИСТИАНСКОЕ СООБЩЕСТВО

Для того чтобы определить значение церквей в настоящее время, обратимся к одному из ключевых событий последних лет – реформированию договоров Европейского союза. Процесс реформ, инициированный на Лакенском саммите глав государств и правительств Евросоюза в декабре 2001 года, занял восемь лет. Его окончание датируется декабрем 2009 года, когда вступил в силу Лиссабонский договор.

Ход реформы договоров можно разбить на три этапа. Первый этап – это работа Конвента по будущему Европы (февраль 2002 – июль 2003 года), который подготовил проект Конституционного договора («Европейскую Конституцию»). Второй этап – межправительственная конференция с участием глав государств и правительств стран – членов ЕС и кандидатов в члены ЕС (октябрь 2003 – июнь 2004 года). В ходе конференции в проект Конституции вносились изменения и дополнения, после чего итоговый документ был подписан всеми странами – членами ЕС (в октябре 2004 года). Третий этап – это работа над Лиссабонским договором, включая процесс его ратификации (2006–2009 годы). Участие христианских церквей прослеживается на каждом этапе «реформенной» работы.

Представительство
Кипрской православной церкви
при ЕС в Брюсселе

Христианское сообщество Европы хорошо понимало высокую значимость реформы договоров ЕС, инициированной в начале 2000-х годов. Как было подчеркнуто в заявлении [Католической] Комиссии епископских конференций Европейских обществ (КОМЕСЕ): «Никогда ранее в истории Европейского союза проект переосмысления его целей, ответственности, структур и принципов, на которых он основан, не был реализуем так согласованно и заметно» [11].

В мае – сентябре 2002 года христианские церкви Европы представили свои рекомендации, касающиеся будущего текста Конституционного договора. Акцент был сделан на трех аспектах: *ссылка на религию, диалог с ЕС и статус церквей*. Например, КОМЕСЕ отметила, что в Конституционном договоре необходимо:

- признать открытость и максимальную инаковость, ассоциируемую с именем Бога. Всеобъемлющая ссылка на сверхъестественное дает гарантии свободы личности;
- [признать] особый вклад церквей и религиозных сообществ [и] обеспечить возможность для *структурного диалога* между европейскими учреждениями и церквями и религиозными сообществами;
- включить Декларацию № 11,

приложенную к Заключительному акту Амстердамского договора, выражающую уважение к *статусу* церквей и религиозных сообществ в том виде, как это признано каждым из государств – членом [ЕС] [11; *курсив мой.* – С.М.].

В рекомендациях, разработанных Православной церковью Греции, было подчеркнуто, что в Европейской Конституции следует:

- гарантировать принципы религиозной свободы и основополагающих прав человека, с запрещением лживого прозелитизма;
- выразить уважение к общественному сознанию народов Европы, касающееся христианских корней, а также их [народов] исторического и современного духовного наследия;
- [указать на то, чтобы] церковно-государственные отношения оставались пре-

рогативой внутреннего законодательства каждой нации, в рамках религиозной свободы, что специально предусмотрено Декларацией № 11 Амстердамского договора [12, р. 229].

В июне 2002 года, спустя месяц после заявлений КОМЕСЕ и Церкви Греции, ряд христианских организаций (комиссия «Церковь и общество» Конференции Европейских Церквей, Каритас-Европа, Европейская федерация диаконии, КОМЕСЕ и др.) направили совместное письмо президенту Конвента. Письмо включало как общие заявления, так и конкретные предложения. Расплывчатый характер общих заявлений придал им непретенциозный и приемлемый практически для всех характер, например, когда речь шла о «достижении общего блага». Что касается конкретных предложений, то они, в значительной степени, совпадали с предложениями КОМЕСЕ, особенно в части, касающейся статуса церквей и религиозных сообществ. Одним из новшеств стала рекомендация о признании «религиозного и духовного наследия Европы», в то же время в письме отсутствовала просьба о необходимости ссылки на сверхъестественное [13].

Три месяца спустя КЦО КЕЦ и КОМЕСЕ в совместном «законодательном предложении» повторили, в основном, рекомендации КОМЕСЕ, хотя и в несколько иной формулировке. Как и в июньском письме, в тексте отсутствовала просьба о ссылке на сверхъестественное (вероятнее всего, из-за позиции отдельных протестантских церквей в КЕЦ). Одновременно КОМЕСЕ и КЕЦ подчеркнули, что исключение из Конституционного договора ссылок на религию, церкви или религиозные сообщества «создаст ситуацию опустошенности, принимая во внимание их [церквей] огромную значимость как для общества в целом, так и для ценностей и идентичностей, на которых общество основывается, а также для взаимоотношений союза и его граждан» [14].

Общие позиции христианских церквей, выраженные в период между маем и сентябрем 2002 года, стали ориентиром для тех политиков, общественных и государственных деятелей, которые с уважением относились к мнению религиозных организаций или даже имели похожие убеждения и систему ценностей.

В ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Участие церквей было наиболее заметным на первом этапе реформ (работа Конвента), когда готовился текст Конституционного договора. В ходе длительных дебатов и непростых переговоров церквям и их представителям удалось добиться включения в преамбулу Конституции ссылки на «религиозное наследие» Европы. В текст договора были также внесены гарантии статуса церквей и указание на необходимость регулярного диалога между церквями и ЕС. Упоминание о Боге и христианстве осталось, к сожалению, за рамками основополагающего документа единой Европы.

Второй этап (межправительственная конференция) был отмечен снижением вовлеченности церквей в процесс пере-

Берлемон –
головной офис
Еврокомиссии
в Брюсселе

говоров и принятия решений. Частично их интересы представляли некоторые политики и государственные деятели. Так, в сентябре 2003 года перед открытием межправительственной конференции восемь стран (Италия, Испания, Ирландия, Мальта, Польша, Португалия, Словакия и Чешская Республика) заявили о желании включить тезис о христианстве в Конституцию. Чехия сделала более широкое предложение, с включением ссылки на древнегреческую философию, римское право, иудейские и христианские корни и рационализм [15, р. 3]. Инициатива «восемь» была поддержана в специальном заявлении, подписанном 82 членами Европейского парламента.

Кроме этого, была предпринята попытка заручиться поддержкой со стороны общественности. В ноябре 2003 года депутаты Европарламента Марио Мауро (Италия) и Элизабет Монфорт (Франция) передали представителю страны, председательствующей в Совете ЕС (Италии), петицию, подписанную 400 тыс. европейцев. Монфорт подчеркнула, что Европа, выразив свою идентичность в христианском смысле, открывает себя для других культур [16].

Тем не менее окончательный вариант Конституции, согласованный странами – членами ЕС, не содержал в преамбуле ссылки на Бога и христианство. Во многом это произошло из-за жесткой оппозиции Бельгии и Франции, грозивших заблокировать конституционный процесс. Французы, в частности, указывали на принцип светскости своего государства. Эмоциональный вопрос-возражение со стороны лондонского епископа Англиканской церкви Ричарда Чартра: «Почему же вся Европа должна отказываться от искреннего плюрализма в пользу атеистического государства?» – не принес никаких значимых перемен [17, p. 474].

Впрочем, это был не единственный «камень преткновения». Атеистические группы потребовали удаления из Конституции статьи 51 о «Статусе церквей и неконфессиональных организаций» [18]. Именно эта статья признавала вклад церквей в европейскую идентичность, гарантировала сохранение их статуса в рамках национального законодательства и определяла необходимость регулярного диалога между церквями и ЕС. Одна из числа противников «церковной» статьи, Анна Ван Ланкер (бывший член Конвента и депутат Европарламента в 1994–2009 годах) утверждает, что решение, принятое по 51-й статье, – это отражение «политической сделки». «В конечном счете наши попытки убрать статью 51 не увенчались успехом... Такова была политическая цена, которую мы заплатили Европейской народной партии для того, чтобы избежать упоминаний о Боге в Конституции», – подчеркивает Ван Ланкер [19].

В окончательном варианте Конституционного договора, подписанном главами госу-

Глава Представительства Греческой православной церкви при ЕС митрополит Афанасий (Хатзопулос)

дарств Евросоюза, положения, связанные с религией, почти не отличались от предложенных Конвента, представленных в июне 2003 года. Изменения носили несущественный характер. «Культурное, религиозное и гуманистическое наследие Европы» осталось в первом предложении одной из статей преамбулы, но сама статья была перемещена со второго места на первое. Кроме того, путем небольшой корректировки статьи было четко указано на религиозное наследие (наряду с культурным и гуманистическим) как на один из источников, из которого «развились всеобщие ценности нерушимых и неотъемлемых прав человека, свобода, демократия, равенство и принципы господства права» [20, p. 3]. Статья о «Статусе церквей и неконфессиональных организаций» стала статьей I-52 (вместо 51) и была изменена только добавлением слов «в рамках национального законодательства» в текст второго абзаца («Союз в равной степени уважает статус в рамках национального законодательства философских и неконфессиональных организаций») [20, p. 54].

Окончательная версия Конституции получила в целом позитивную оценку со стороны представителей Римско-католической церкви. КОМЕСЕ, выразив сожаление, что договор «не содержит ссылки на христианство», с одобрением отозвалась о том, что «религиозная свобода в ее общем измерении, диалог между церквями и союзом, а также защита статуса церквей в странах – членах [ЕС] стали частью Конституционного договора» [21]. Более того, КОМЕСЕ высказала мнение, что, включив ссылку на религиозное наследие Европы, «Конституционный договор неявно признает преимущественный вклад христианства в становление современной Европы», а «однозначное использование христианского термина «церковь» и уважение их [церквей] особого вклада», показывают, что «[Европейский] союз демонстрирует осознание христианского наследия Европы» [21].

СОГЛАСНО ЛИССАБОНСКОМУ ДОГОВОРУ

Судьба Конституционного договора оказалась весьма плачевной. Негативные результаты референдумов по Европейской Конституции во Франции и Нидерландах в

мае и июне 2005 года сорвали процесс ратификации (поскольку требовалось единогласие) и «дестабилизировали ЕС» [22, р. 221]. В июне 2005 года Европейский совет заявил о необходимости перехода к «периоду размышлений», чтобы найти решение, приемлемое для всех членов Евросоюза.

По окончании этого периода (в декабре 2006 года), среди лидеров ЕС сложилось мнение о необходимости разработать новый договор, который мог бы сохранить основные черты Европейской Конституции. Речь уже шла не о продолжении, а об «упрощении» конституционного проекта [23, р. 254]. Текст нового договора, известного как Договор о реформе, был согласован на межправительственной конференции в Лиссабоне в октябре 2007 года и подписан

в декабре того же года. После успешного (хотя и непростого) процесса ратификации, с проведением двух референдумов в Ирландии (июнь 2008 года и октябрь 2009 года), договор вступил в силу 1 декабря 2009 года. В настоящее время он является основным документом, по которому живет Европейский союз.

Значение религиозных вопросов на третьей стадии реформы было не очень существенным, хотя отрицать их присутствие невозможно. Например, во время дебатов в Ирландии перед референдумом по Лиссабонскому договору (ЛД) звучали мнения, что, в случае ратификации, ЛД позволит Евросоюзу «подорвать конституционный запрет на аборт в Ирландии» [24, р. 116]. Отдельные католические организации заявляли, что Лиссабонский договор «будет поощрять распространение эвтаназии и проституции», а Хартия фундаментальных прав ЕС, став юридически обязательным документом после вступления в силу ЛД, «будет использована, словно троянский конь, для принятия радикального атеистического законодательства, которое еще больше размывает ирландскую идентичность и привязанность к христианству» [25, р. 263]. Также наблюдались попытки со стороны церкви и некоторых полити-

ческих лидеров вернуться к вопросу о возможной ссылке на христианство в преамбуле, но интенсивность дебатов не была сравнима с тем, что происходило несколькими годами ранее.

Основные положения Лиссабонского договора, касающиеся религии, оказались практически идентичны положениям Европейской Конституции. Было только внесено несколько несущественных поправок. Так, абзац о «религиозном наследии» в преамбуле был перемещен с первого места на второе. Статья о «Статусе церквей и неконфессиональных организаций» (1-52 Европейской Конституции) стала статьей 17 Договора о функционировании Европейского союза, лишившись своего названия, но полностью сохранив содержание.

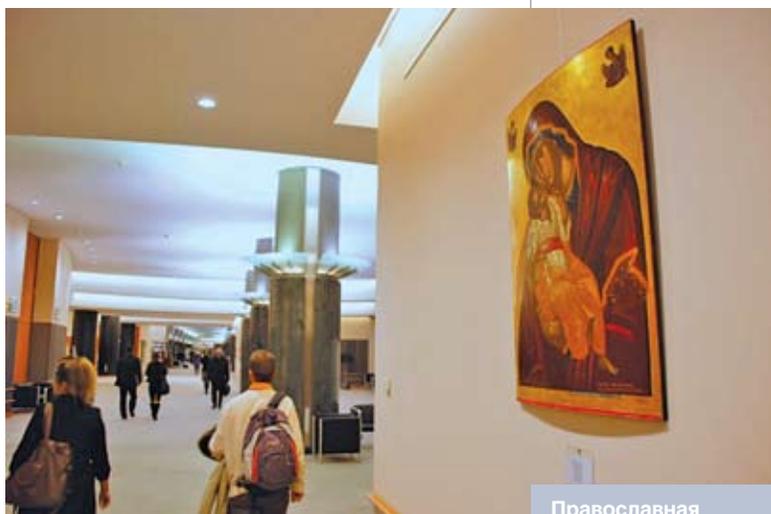
ИТОГИ РЕФОРМ ДОГОВОРОВ

Реформы договоров ЕС, итогом которых стало вступление в силу Лиссабонского соглашения, получили неоднозначную оценку со стороны христианского сообщества. Но в целом можно говорить о доминировании положительных отзывов. Так, упомянутый ранее позитивный доклад КОМЕСЕ, посвященный Европейской Конституции, отражает взгляд католиков на Лиссабонский договор (так как религиозные статьи остались в нем практически без изменений). Комиссия «Церковь и общество» КЕЦ в своем докладе по Лиссабонскому договору, опубликованному в декабре 2009 года, отметила, что формулировки договора во многом совпали с целями КЦО КЕЦ. В частности, Хартия фундаментальных прав стала юридически обязательным документом, было декларировано уважение к статусу церквей в рамках национального законодательства, и ЕС обязался вести регулярный диалог с церквями [26]. «Самое большое наше разочарование в том, что недостает прогресса в расширении невоенных методов предотвращения конфликтов и управления кризисами» — отмечается в докладе [26]. Как подчеркнул Питер Павлович, «большинство важнейших ходатайств со стороны церкви было принято, и их можно обнаружить в том или ином виде в формулировках договора» [27].

Межхристианская встреча в день памяти святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия в сербском православном храме Св. Саввы Сербского в Брюсселе

Лютеранские церкви Швеции и Финляндии в целом выразили удовлетворенность окончательным текстом договора, отметив, что «христианские церкви очень хорошо [в нем] представлены» [28]. Квакеры одобрили появление положений о диалоге с гражданским обществом и религиозными организациями, но высказали разочарование в связи с тем, что их пацифистская позиция, касающаяся военной доктрины ЕС, была в большей степени проигнорирована [29]. Русская православная церковь, признавая, что «без христианских корней текст преамбулы был в целом лишен смысла», в то же время отметила, что «с практической

Православная икона в здании Европарламента в Брюсселе

точки зрения тот факт, что существует системный диалог с ЕС (статья 17), возможно даже более важен» [30]. Представитель Русской православной церкви позитивно оценил то, что, в свете 17-й статьи, церкви не приравниваются к неправительственным организациям или группам по интересам (лоббистским структурам) [30]. Идея о том, что церкви не должны приравниваться к НПО, была также выражена епископом Порфирием, представителем Православной церкви Кипра при ЕС, подчеркнувшим, что «эти моменты находятся в разных категориях» [31].

Но в целом нельзя не заметить, что результаты, достигнутые церквями, далеко не всегда соответствовали поставленным целям. В тексте так и не появилось никакого упоминания о *христианских корнях* Европы или о *Боге*. Хотя церкви смогли добиться признания их «идентичности и особого вклада», в Договоре это прозвучало

наравне с аналогичным признанием для философских и неконфессиональных организаций (которые во многих случаях антирелигиозны – как, например, Европейская гуманистическая федерация).

То же самое относится к положениям об «открытом, регулярном и транспарентном» диалоге Европейского союза с церквями и религиями (статья 17 ЛД). Безусловный успех церквей усматривается в том, что обязательство по ведению диалога «Церкви – ЕС» упомянуто отдельно от диалога с гражданским обществом. В то же время сюда включены уже упоминавшиеся «философские и неконфессиональные организации». Более того, изначально церкви просили о «структурном» диалоге, но это ключевое слово осталось за рамками официального текста.

Фактически нынешняя редакция статьи 17 подразумевает «диалог со всеми», без формальных обязательств со стороны Европейского союза. Церкви направили предложения о структурировании диалога, но нет никаких реальных механизмов для того, чтобы принудить ЕС сделать больше, чем было сделано до вступления в силу Лиссабонского договора (регулярные встречи религиозных и европейских лидеров начались несколькими годами раньше). Неудивительно, что даже одна из противников церквей, Софи ин'т Велд, председатель платформы Европарламента по антиклерикализму в политике, признала, что принятие нынешней редакции Договора о реформе «можно считать успехом или неудачей для одной из сторон [церкви и их оппоненты] в зависимости от того, как он будет применяться на практике» [32].

Роль христианских церквей в европейской интеграции наглядно проявилась в их активном участии в процессе недавней реформы договоров Европейского союза. Церкви действовали в различных форматах, но с определенным набором целей и методов. Деятельность церквей была заметна как на национальном, так и наднациональном уровне, включая различные уровни принятия решений в ЕС, и она была поддержана рядом политиков и общественным мнением стран с более религиозным населением. В то же время следует отметить, что церкви были вынуждены работать

в условиях жесткой оппозиции, при доминировании в политике антирелигиозных сил. Поэтому, невзирая на ограниченный характер их достижений, нельзя не признать, что церкви заявили о себе как о сильных, влиятельных и уважаемых участниках дебатов и процесса принятия решений. По словам Софи ин'т Велд, церкви – это «очень влиятельное, если не самое влиятельное лобби в Брюсселе» [32].

Работа по реформе договоров наглядно подтвердила, что церкви способны вносить весомый вклад в обсуждение различных злободневных вопросов. Более того, церкви

показали высокую эффективность в формировании коалиций в свою поддержку, с участием интеллектуальной и политической элиты ЕС. Церкви смогли активно влиять на национальные повестки дня, не в последнюю очередь благодаря определенным моделям церковно-государственных отношений. Таким образом, их способность к мобилизации, а также умение вести дела с высокопоставленными официальными лицами (как и хорошо обоснованная аргументация) подтвердили, что особый статус и роль церквей в процессе европейской интеграции – это факт, с которым нельзя не считаться. ┘

ЛИТЕРАТУРА

1. Byrnes, Timothy, Peter Katzenstein. Religion in an Expanding Europe / Timothy Byrnes, Peter Katzenstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
2. Casanova, Jose. Religion, European secular identities, and European integration / Jose Casanova // in «Religion in an Expanding Europe», 2006, pp. 65–92.
3. Hehir, Bryan J. The old Church and the new Europe: charting the changes / Bryan J. Hehir // in «Religion in an Expanding Europe», 2006, pp. 93–116.
4. Byrnes, Timothy A. Transnational religion and Europeanization / Timothy A. Byrnes // in «Religion in an Expanding Europe», 2006, pp. 283–305.
5. Vanheeswijck, Guido. How can we overcome a politics of inarticulacy? / Guido Vanheeswijck // in «More Europe? A critical Christian inquiry into the process of European integration». Kampen: Pharos, 1997, pp. 43–66.
6. Venneri, Giulio and Paolo O. Ferrara. Alcide De Gasperi and Antonio Messineo: A Spiritual Conception of Politics and a Pragmatic Idea of Religion / Giulio Venneri and Paolo O. Ferrara // Religion, State and Society. – 2009. – Vol. 37, N. 1 & 2, Special Issues. – pp. 115–129.
7. Rizzo, Linda. Cracks in a facade of unity: the French and Italian Christian democrats and the early stages of the European integration process, 1945–1957 / Linda Rizzo // Religion, State and Society. – 2009. – Vol. 37, N. 1 & 2, Special Issues. – pp. 99–114.
8. O'Mahony, Anthony. The Vatican and Europe: Political Theology and Ecclesiology in Papal Statements from Pius XII to Benedict XVI / Anthony O'Mahony // International Journal for the Study of the Christian Church. – 2009. – Volume 9, Issue 3. – pp. 177–194.
9. Moravcsik, Andrew. The Choice for Europe / Andrew Moravcsik. – UCL Press, 1998.
10. Павлович, Питер. Интервью автора. Брюссель, 23.01.2007.
11. COMECE. The Future of Europe, Political Commitment, Values, and Religion. Contribution of the COMECE secretariat to the Debate on the Future of the European Union in the European Convention / COMECE. – Brussels, 2002.
12. Zorbas, Kostas. Evropi-Thriskiyya-Politismos / Kostas Zorbas. – Athens: Apostoliki Diakonia, 2003.
13. CSC CEC et.al. Letter to Giscard d'Estaing / CSC CEC et. al. – Brussels, 28.06.2002.
14. CSC CEC and COMECE. Churches and Religious Communities in a Constitutional Treaty of the European Union / CSC CEC and COMECE. – Brussels, 27.09.2002.
15. CIG 37/03 (Conference of the Representatives of the Governments of the Member States). IGC – Non-institutional issues; including the amendments in the economic and financial field / CIG 37/03. – Brussels, 24.10.2003.
16. EPP Group in the European Parliament // Press-release. 20.11.2003 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.eppgroup.eu/press/showPR.asp?PRControlDocTypeID=1&PRContentID=2342&PRContentID=4507&PRContentLg=en>. – Date of access: 16.10.2010.
17. Values and Principles for the building of Europe (Edition. Holy Synod of the Church of Greece). – Athens: Apostoliki Diakonia of the Church of Greece, 2003.
18. Evans, Robert. Religion ignites debate over EU constitution: Church v. State / Robert Evans. – National Post (Canada), 09.12.2003.
19. Ван Ланкер, Анна. Интервью автора (по электронной почте). 26.10.2010.
20. CIG 87/2/04 (Conference of the Representatives of the Governments of the Member States). Treaty establishing a Constitution for Europe / CIG 87/2/04. – Brussels, 29.10.2004.
21. COMECE. The Treaty Establishing a Constitution for Europe. Elements for an Evaluation / COMECE. – Brussels, 2005.
22. Syrpis, Phil. The Treaty of Lisbon: Much Ado...But About What? / Phil Syrpis // Industrial Law Journal. – 2008. – Vol. 37, No. 3. – pp. 219–235.
23. Christiansen, Thomas, Reh, Christine. Constitutionalizing the European Union / Thomas Christiansen, Christine Reh. – Palgrave Macmillian, 2009.
24. Dinan, Desmond. Institutions and Governance: Saving the Lisbon Treaty – An Irish Solution to a European Problem / Desmond Dinan // JCMS: Journal of Common Market Studies. – 2009. – Vol. 47, Issue Supplement s 1. – pp. 113–132.
25. O'Brennan, John. Ireland says No (again): the 12 June 2008 Referendum on the Lisbon Treaty / John O'Brennan // Parliamentary Affairs. – 2009. – Vol. 62, No. 2. – pp. 258–277.
26. CSC CEC. CSC Report on the Treaty of Lisbon / CSC CEC. – Brussels, December 2009.
27. Павлович, Питер. Интервью автора. Брюссель. 12.07.2010.
28. Елоранта, Елина. Интервью автора. Брюссель. 16.07.2010.
29. Вейсч, Мартина. Интервью автора. Брюссель. 20.07.2010.
30. Ильин, Антоний (священник). Интервью автора. Брюссель. 17.07.2010.
31. Порфирий (епископ). Интервью автора. Брюссель. 12.07.2010.
32. ин'т Велд, Софи. Интервью автора (по телефону). 27.08.2010.